

учеными,—говорить онъ,—и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно такъ же, какъ это естественно и пріятно думать кунцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ; это не высказывается только потому, что кунцы и солдаты не пишутъ исторіи» (VI, 241). Историческая и историко-философская литература представляетъ массу примѣровъ разнообразнаго проявленія субъективизма націоналистическаго, партійнаго и профессиональнаго, противнаго историческому реализму, и подобныя замѣчанія гр. Толстого попадають въ цѣль. Наконецъ, особый видъ идеализаціи *всей* исторіи представляетъ изъ себя оптимистическое признаніе ея разумной планомѣрности, зародившееся на почвѣ провиденціализма, ²⁾ и, протестуя вообще противъ внесенія въ исторіографію такой концепціи (VI, 234 и 245). гр. Толстой находитъ такое возраженіе противъ привычки идеализировать исторію, оправдывая данный ходъ событій въ виду какой-либо цѣли, этимъ событіямъ навязываемой: «если, — говоритъ онъ, — цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ предшествовавшихъ войнъ и нашествія. Если цѣль—величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи, и безъ имперіи. Если цѣль—распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль—распространеніе цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе, болѣе дѣлесообразныя пути для распространенія цивилизаціи» (VI, 155). Изгоняя изъ историческаго пред-

²⁾ См. тамъ же, I, 55 и слѣд.